

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. Е. Шаститко¹

МГУ имени М. В. Ломоносова / РАНХиГС (Москва, Россия)

УДК: 330.8

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-1

ЦЕПОЧКА СМИТА — НОРТА В КОНТЕКСТЕ: СЕРФИНГ В МОРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ. К 300-ЛЕТИЮ АДАМА СМИТА²

Богатство народов зависит от производительности труда (совокупной производительности факторов производства); производительность — от разделения труда/специализации; разделение труда/специализация — от масштабов рынка; масштабы рынка — от уровня транзакционных издержек, связанных с использованием данного механизма координации; транзакционные издержки — от свойств институтов, влияющих также на стимулы и способность субъектов адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам взаимодействия. Это цепочка Смита — Норта, которая, обозначая фундаментальные причинно-следственные связи в экономике и помещенная в широкий контекст развития экономической науки, позволяет показать как преемственность, так и вариативность идей экономистов, разрабатывающих предмет экономической науки в последние 250–275 лет, но вместе с тем оставивших без должного внимания другое выдающееся произведение Смита — «Теорию нравственных чувств». В связи с этим рассматривается «проблема Смита» и подходы к ее разрешению. Обозначена реализуемость заместителя синтеза исследовательских подходов, построенный на нескольких фундаментальных принципах, которые могут быть выведены из контекстного обсуждения цепочки Смита — Норта. Смещение акцентов в организации внутридисциплинарного дискурса — важное условие обретения нового качества роста научного экономического знания.

Ключевые слова: богатство, внутридисциплинарный дискурс, производительность труда, транзакционные издержки, институты.

Цитировать статью: Шаститко, А. Е. (2023). Цепочка Смита — Норта в контексте: серфинг в море экономических идей. К 300-летию Адама Смита. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 58(6), 3–23. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-1>.

¹ Шаститко Андрей Евгеньевич — д.э.н., профессор, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: aes@ranepa.ru, ORCID: 0000-0002-6713-069X.

² Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

© Шаститко Андрей Евгеньевич, 2023

A. E. Shastitko

Lomonosov Moscow State University / RANEPA (Moscow, Russia)

JEL: A10, A20, B40

THE SMITH — NORTH CHAIN IN CONTEXT: SURFING IN THE SEA OF ECONOMIC IDEAS. ON THE 300TH ANNIVERSARY OF ADAM SMITH

The wealth of nations depends on labor productivity (total factor productivity); productivity — on differentiation of labor/specialization; differentiation of labor/specialization — on the scale of the market; the scale of the market — on the level of transaction costs associated with the use of this coordination mechanism; transaction costs — on the properties of institutions that also affect incentives and the ability of subjects to adapt to the changing circumstances of interaction. This is the Smith — North chain, which, denoting the fundamental cause-and-effect relationships in economics and placed in a broad context of economic development, allows us to show both the continuity and variability of ideas of economists who have been developing the subject of economics in the past 250–275 years, but at the same time left without due attention another outstanding work of Smith — “The Theory of Moral Sentiments”. In this paper, we consider the “Smith problem” and approaches to its resolution, indicate the feasibility of a substitute for the synthesis of research approaches, built on several fundamental principles that can be derived from a contextual discussion of the Smith–North chain. The shift of emphasis in organizing interdisciplinary discourse is an important condition for acquiring a new quality of economics knowledge growth.

Keywords: wealth, intradisciplinary discourse, labor productivity, transaction costs, institutions.

To cite this document: Shastitko, A. E. (2023). The Smith — North chain in context: surfing in the sea of economic ideas. On the 300th anniversary of Adam Smith. *Lomonosov Economics Journal*, 58(6), 3–23. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-1>.

Введение

Среди экономистов творческое наследие Адама Смита ассоциируется в первую очередь с его работой «Исследование о природе и причинах богатства народов». Но далеко не все знают о содержании другого важнейшего труда основоположника классической политической экономии — «Теории нравственных чувств»¹. И тем более о том, что некоторые фундаментальные идеи своей теории Смит сформулировал и опубликовал задолго до своей самой известной книги.

¹ Мы не рассматриваем еще одну важную работу Смита — «История астрономии». В ней изложены важные для понимания мировоззрения Смита вопросы психологии познания, о чем подробнее см.: (Капелюшников, 2023; Смит, 2014).

В нашу задачу не входит подробное обсуждение работы из области моральной философии, так же как и осмысление собственно творческого наследия Смита. Смитоведение стало практически необозримой областью, особенно после ренессанса интереса к работам великого шотландского экономиста XVIII в. в последней трети XX в. Замысел в другом: обсудить некоторые представленные в «Теории нравственных чувств» идеи в рамках детального обсуждения цепочки Смита — Норта, в которой обозначены фундаментальные причинно-следственные связи, на которые опирались в прошлом и опираются в настоящее время исследования экономистов.

Данная работа задумывалась не как способ извлечения абсолютно нового знания, соотнесенного со знанием предшественников, а как попытка на основе комбинирования известных экономистам концепций, теорий обозначить: а) их связность несмотря не только на разнородность, но даже «перпендикулярность»; б) важность осознания применяемых ограничений в профессиональной дискуссии (презумпция неабсолютизации того или иного положения); в) построения нового формата внутридисциплинарного дискурса. Для этого мы выбрали такой вариант связывания разнообразных концепций в одном изложении, которое чем-то напоминает серфинг, где пространством для движения выступают идеи известных экономистов из разных эпох, исследовательских направлений и стран.

Элементы цепочки Смита — Норта

Впервые идея цепочки Смита — Норта была представлена в работе (Шаститко, 2013а), в рамках которой была обозначена связь исследований Адама Смита и Дугласа Норта, в контексте обсуждения проблематики источников и факторов роста общественного богатства. Однако в этой работе мы предлагаем детализацию данной идеи с погружением ее в контекст развития экономической науки и осмысления творческого наследия Адама Смита.

Для этого мы подробнее рассмотрим элементы цепочки Смита — Норта, а также укажем на связи с исследованиями некоторых других известных экономистов XIX — начала XXI в. И далее мы обсудим вопрос о преемственности идей Смита в контексте построения внутридисциплинарного дискурса.

Со времен Адама Смита, и даже раньше (например, Уильям Петти во второй половине XVII в.), экономисты задумывались не только о природе (что есть богатство), но и о причинах богатства народов. Иными словами, они в той или иной форме решали теоретическую проблему: от чего зависит величина общественного богатства и, соответственно,

ее изменение. Разумеется, само по себе представление о богатстве за последние 250 лет претерпело значительную трансформацию, что было (и, возможно, остается по сей день) предметом интереса историков экономической науки. Вместе с тем эти изменения не привели к утрате актуальности базового по смыслу вопроса, который занимает исследователей современной экономики. Он принял более привычные для нас формы. В числе наиболее употребимых (в виде показателей) форм — совокупное благосостояние (населения), валовый внутренний (национальный — до 90-х гг. XX в.) продукт, экономический рост, а также факторы, которые влияют на значение и темпы изменения указанных показателей. Причем это касается также знаний о причинах его изменения в ту или иную сторону.

Если взять за исходную точку представление Смита, то получится довольно лаконичная схема, включающая такие элементы, как: богатство, производительность труда, специализация/разделение труда, размеры рынков. Рассмотрим ее подробнее.

Богатство и производительность труда

Богатство народов зависит от производительности труда. Соответственно, чем выше производительность труда, тем, при прочих равных условиях, больше и общественное богатство. В этом плане Смит был максимально близок к позиции Маркса — автора трудовой теории стоимости¹. Однако, как известно, в экономической науке труд не рассматривается как единственный фактор производства (и в начале XX в. использовали классическую триаду — земля, труд и капитал). Вместе с тем в современной версии можно было бы заменить производительность труда на совокупную производительность факторов производства (Total Factor Productivity), которая позволяла бы учесть сразу несколько обстоятельств: а) множественность факторов производства; б) возможности замещения одного фактора другим; в) технологический прогресс. Классический пример — разного рода операции с производственной функцией Кобба — Дугласа. По сути, ее общий вид² указывал не только на то, что весь произведенный продукт необязательно распределяется на продукт капитала и труда (остаток Солоу) (Solow, 1957). Соответственно, увеличение в произведенном продукте можно вменить не только изменению объемов использованных факторов

¹ Здесь, конечно, можно спорить относительно научного приоритета — Рикардо или Маркс, Смит или Рикардо, Смит или Маркс. Но, как нам представляется, систематическое изложение данной теории было представлено все же Марксом, который не только разграничивал потребительную и меновую стоимость, но и связывал их с затратами, соответственно, конкретного и абстрактного труда (двойственная природа труда) (Маркс, 1983).

² $Y = AK^a L^{1-a}$, причем $0 < a < 1$, где Y — произведенный продукт, K — количество затраченного при этом капитала, а L — количество труда.

производства, но и технологическому прогрессу. Это соотношение также указывает на связь производительности факторов производства с технологическим прогрессом. Стоит обратить внимание и на то, что источником богатства является не только труд и связанное с ним производство (в том числе с применением капитала и инвестициями), но также добровольный обмен (торговля) и вынужденные обмены (грабеж, разбой, мошенничество...). Однако в фокусе у Смита — производство с овеществленными результатами, в то время как операциональное объяснение, почему торговля также производительна, появилось позже, а вот вынужденные обмены — скорее способ перераспределения богатства, а не его производство, если рассматривать полное множество участников обмена. Последнее важно, поскольку позволяет объяснить, например, почему защита конкуренции на национальных рынках оказывается вполне совместимой с антиконкурентными практиками в международном контексте, когда «все болеют за свою команду» (Шаститко, Павлова, 2019), а глобальный антимонопольный орган так и не был создан.

Производительность и общественное разделение труда

Одним из ключевых в современной экономической науке является вопрос, от чего зависит как производительность труда, так и совокупная производительность факторов. Если вновь обратиться к классическому наследию Адама Смита, то нельзя не вспомнить пример с булавочной мануфактурой, который для экономистов стал хрестоматийным (Смит, 2000, с. 79–80). В нем нашли отражение достижения организации коллективного производства, которые вместе с тем создали, по выражению Маркса, частичного рабочего (и, соответственно, откристаллизовали проблему реального подчинения труда капиталу). Этот пример — о разделении труда, которое (разумеется, при правильной организации) приводит к многократному росту его производительности¹. Маркс в связи с этим говорил о новой общественной производительной силе, возникающей из взаимодействия множества работников, включенных в единый производственный процесс (Маркс, 1983). Такое взаимодействие построено на одном из фундаментальных принципов экономической организации — специализации экономических субъектов на выполнении отдельных функций, являющихся малым подмножеством тех из них, которыми можно было бы охарактеризовать как современную экономику, так и экономику времен Адама Смита.

¹ Здесь нужна оговорка: разделение труда не является абсолютной ценностью, о чем свидетельствует феномен конкурентных преимуществ, которые получили японские автомобилестроители в 70–80-е гг. прошлого века в борьбе с европейскими и американскими компаниями.

Таким образом, *производительность труда, так же как и совокупная производительность факторов производства, зависит от степени их специализации — оборотной стороны разделения труда*¹. Платой за повышение степени специализации является утрата/невозможность реализации творческой составляющей в труде непосредственных производителей. И как следствие — появление значительных ограничений в части развития критического мышления, общего культурного уровня. С этой точки зрения постановка вопроса о ценностях частичного рабочего (хотя Смит рабочих так не называл — данный термин ввел в оборот Маркс) приобретает особое звучание в плане создания и воспроизводства общественных ценностей, морали.

Здесь также стоит обратить внимание на то, что специализация и разделение труда имеют как минимум два измерения, которые после Смита подробно были разобраны Марксом в его основной работе «Капитал. Критика политической экономии». Это вопросы о разграничении разделения труда в обществе и разделении труда внутри компании (как производственной площадки) не только с точки зрения механизмов, но и с точки зрения эффектов. Если в рамках компании обмен деятельностью происходит по принципу видимой руки (согласно А. Чандлеру (Chandler, 1977), причем без всякой негативной оценки, это просматривается у Смита (Капелюшников, 2023, с. 66)), направляемой решениями собственников (для классической фирмы) или менеджеров (для случая делегированного управления в корпорациях), то в сложноорганизованном обществе (которое можно было бы описывать в терминах расширенного (спонтанного) порядка человеческого сотрудничества по Ф. Хайеку (Хайек, 1992) или обезличенных обменов по Д. Нортю (Норт, 1997)) мы имеем дело с невидимой рукой Адама Смита — термином, прочно ассоциирующимся с именем великого шотландского экономиста².

На наш взгляд, как и в случае с разделением труда, специализированные ресурсы также могут рассматриваться в двух измерениях. В одном случае несмотря на специализированность ресурсов участники хозяйственной деятельности могут без труда переключаться с одного контра-

¹ Абсолютизировать значение специализации, как и разделения труда, не стоит. Это — лишь один из элементов, без которых сложно обсуждать изменение общественного богатства как в результате технологических изменений, так и вследствие организационных нововведений (Аоки, 1994). Данный пункт также важен для того, чтобы взвешенно обсуждать вопрос о различных вариантах интеграции (горизонтальной и вертикальной), которая применяется в рамках поиска наилучшего варианта экономической организации.

² Следует отметить, что идея «невидимой руки» Смита, так же как и подход Р. Коуза к обсуждению проблематики внешних эффектов, подвергался искажениям, на что указано в (Капелюшников, 2023, с. 54).

гента на другого, тогда как в другом возникают издержки переключения, обусловленные использованием специфических активов. Это могут быть и специфический физический капитал, и специфические знания и умения (человеческий капитал)¹. Однако для объяснения оснований использования в хозяйственной практике специфических ресурсов используется тот же аргумент: более высокая производительность (как источник квазиренды) по сравнению с ресурсами общего назначения, но в рамках контрактных отношений с участниками, характеристики которых удовлетворяют определенным требованиям.

По О. Уильямсону — основоположнику экономической теории транзакционных издержек² — проблема проектирования контрактных отношений перестает быть тривиальной, когда специфические активы обладают более высокой производительностью, но их создание и использование сопряжено с более высокими рисками оппортунистического поведения (сильной формы мотивации в отличие от простого следования собственным интересам) и обусловленными этим транзакционными издержками (Уильямсон, 1996). Именно тогда проблема проектирования контрактов превращается из сравнительно простой в настоящую головоломку (достаточно вспомнить проблему уродливой принцессы (Шаститко, 2010, 2022)), суть которой сводится к поиску возможностей совмещения сильных стимулов (децентрализованность конечных прав и прав на остаточный доход) с возможностями коллективной адаптации к изменяющимся обстоятельствам осуществления транзакций в условиях специфичности ресурсов и неопределенности. Здесь мы наблюдаем *нечто среднее между невидимой рукой Смита и видимой рукой Чандлера*, что указывает не только на многообразие форм координации, но и на то, что экономическая наука охватывает их своим аналитическим инструментарием.

Итак, специализация тесно связана с общественным разделением труда (оборотная сторона) в свете разнообразных потребностей — для конечного и промежуточного потребления. Склонность людей к обмену обусловлена необходимостью приведения в соответствие разнообразных потребностей

¹ Подчеркнем в связи с этим, что сама по себе специализация труда и физического капитала еще не означает отсутствия конкуренции по поводу того, что производится (это скорее характерно уже для фирмы, согласно подходу Уильямсона) и, соответственно, предполагает вариативность в ответе на вопрос о наилучшем (минимизирующем транзакционные издержки) способе управления транзакциями.

² Надо отдать должное нобелевскому лауреату 2009 г., который прямо указал на источники экономической теории транзакционных издержек как на стороне организационной теории, права, так и на стороне экономической теории. Причем такой подход, когда были упомянуты Коммонс, Коуз, Найт, Хайек, Эрроу (Уильямсон, 1996), свидетельствует о предпочтении внутридисциплинарного дискурса с позитивной программой взаимодействия различных школ, о чем более подробно см.: (Тутов, Шаститко, 2021).

тем частичным результатам общественно организованной деятельности, которыми характеризуется как отдельный человек, так и отдельное предприятие. Результатом такого обмена представляется равновесие, которое, как известно, выступает в качестве отправного пункта в теоретическом исследовании рынков в рамках неоклассического подхода.

Обмен — способ достижения соответствия (в определенной мере) структуры потребностей со структурой непосредственных результатов производственной деятельности. От того, насколько хорошо он организован¹, будет зависеть и уровень общественного богатства. Разумеется, для этого участникам обмена необходимо иметь такие знания, которые: а) не перегружали бы их когнитивные способности; и б) были бы необходимы (полезны) для принятия решений в повседневной экономической деятельности.

При обсуждении значения разделения труда и связанной с ним экономической организации стоит обратить внимание, что она совсем не обязательно должна быть ориентирована на создание стоимости. Другой вариант — перераспределение, в том числе силовым путем. Тому иллюстрацией — работа Питера Лисона (Лисон, 2023, с. 2–3), показывающего, как невидимая рука может обеспечивать эффективный отъем средств у честных граждан, что, разумеется, сильно отличает ее от невидимой руки Смита в части эффектов для глобального, выходящего за рамки узкой группы лиц благосостояния². Вместе с тем этот поворот в изложении позволяет отчетливо обозначить трилемму бизнесмена (Тамбовцев, 2011, с. 137): купить, произвести или отнять.

Общественное разделение труда и добровольный обмен

От чего зависит степень развития общественного разделения труда и связанной с ней специализации отдельных факторов производства, ресурсов?

Прежде чем дальше обсуждать элементы цепочки Смита — Норта, важно сделать одну оговорку о важности различения факторов, влияющих на уровень производительности труда и причины, по которой, по мнению самого Смита, такое разделение труда оказывается возможным. Напомним, что классик писал буквально следующее (Смит, 2000, с. 86): «Разделение труда... отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предви-

¹ За словосочетанием о хорошей организации обмена, как показывает опыт развития экономических исследований последних десятилетий, много чего скрывается: начиная с возможностей использования релевантной информации, знаний применительно к конкретным обстоятельствам места и времени (Науек, 1945) и заканчивая настройкой стимулов не только участников обмена, но и гарантов соблюдения их условий.

² Для обособления одного класса ситуаций от другого Лисон предлагает особый термин — «невидимый крюк».

девшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им; оно представляет собою *последствие... определенной склонности человеческой природы* (курсив наш. — А. Ш.), которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой». С одной стороны, в этой фразе уже просматривается спонтанный порядок Хайека, но, с другой, — прямое указание на склонность человека к обмену. В данном пункте возникает сомнение, действительно ли склонность к обмену — «независимая переменная», позволяющая объяснить рост разделения труда.

Адам Смит дает свой вариант ответа на этот вопрос: *степень развития общественного разделения труда зависит от масштабов рынка*, — можно было бы добавить, от степени развития системы добровольных обменов, в рамках которых используется указанные выше знания и передаются права собственности от одного лица другому. Чем шире масштабы рынка, тем, при прочих равных условиях, больше возможностей для развития общественного разделения труда и связанной с ней специализации. Напомним, что рынок, ключевой элемент которого — механизм цен, является способом передачи прав собственности от одного действующего лица другому, предполагающим добровольность обмена. И здесь тоже развилка на две ветки — в институциональную среду (единое пространство — Норт) и организацию обменов альтернативными механизму цен способами (Уильямсон). На наш взгляд, завершение этой цепочки Смитом указанием на склонность людей к обмену фактически указывает на рынок как механизм координации, но оставляет без объяснения вопросы, которые связаны с возникновением, развитием, исчезновением рынков, а также замещением его другими механизмами координации.

Итак, посредством добровольного обмена устраняется (или смягчается) несоответствие между совокупностью исходно доступных благ и множеством желаемых. При этом чем шире масштабы рынка, тем выше степень обезличенности обменов, тем меньше теснота персональных связей и выше требования к действенности механизмов, гарантирующих соблюдение установленных правил (в том числе контрактов между участниками рынка), как и значение самих правил. В «Теории нравственных чувств» Смит (Смит, 2022, с. 319–324) обращает внимание на замещение личных связей (в первую очередь родственных¹) обезличенным порядком, основанном на правилах, которые поддерживаются независимой третьей стороной, в первую очередь — государством. И в этом случае эффекты во многом зависят от того, удастся ли (и если удастся, то какой ценой) уйти от проблемы, которая хорошо известна экономи-

¹ Как показывают другие исследования (Ben-Porath, 1980), родственные, семейные (family) связи, — лишь часть более широкого множества f-связей.

стам из игры «дилемма заключенных»: неоптимальность общественных результатов вследствие взаимодействия рациональных субъектов в определенных условиях. Это зависит от: а) уровня прямых издержек гарантий прав; б) распределения их бремени (недискриминационность); в) вероятности ошибок первого и второго рода, допускаемых гарантом (Шаститко, 2013b).

За невидимой рукой Смита скрывается одно важное свойство сопровождающих институтов: непредвиденные последствия множества индивидуальных действий, которые тем не менее могут выражаться в таком порядке, который способствует росту общественного благосостояния. Эта непредвиденность принципиально важна и «елание установить ... до малейших подробностей ... все части целой государственной системы нередко оказывается безумной самонадеянностью» (Смит, 2022, с. 340), причем она не только безумная, но и пагубная (Хайек, 1992).

В связи с этим стоит обратить внимание еще и на то, что невидимая рука, как оказывается, бывает двух видов: для обезличенных обменов, которые имели в виду Смит¹ и Норт, и для персонализированных, которые характерны, например, для пиратов, экономическая организация которых описана в (Лисон, 2023). Распространяя подход Лисона на организованные группы, специализирующиеся на перераспределении богатства (причем необязательно только посредством применения насилия), можно отметить, что следование собственным интересам эксплуатируется для достижения общих для группы целей на основе создания и применения различных правил принятия решений, в том числе, как отмечал автор — сторонник неоавстрийской школы в экономической науке — вполне демократических.

Масштабы рынка, транзакционные издержки и институты, или почему «невидимая рука» — не «невидимый крюк»?

От чего зависят масштабы рынка, и, соответственно, охват транзакций механизмом цен? Да и только ли в рынке дело? Если считать, что рынок — механизм цен, то ответ напрашивается сам собой: по Коузу, *масштабы рынка зависят от издержек использования механизма цен* (Коуз, 1993). Однако, как было показано самим Смитом, разделение труда возможно и в рамках механизмов координации, которые альтернативны механизму цен. Это важно для обсуждения исследовательских вопросов в режиме сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив — визитной карточки новой институциональной экономической теории.

¹ Мы вполне допускаем, что это наша вольная интерпретация, поскольку один из вариантов, дискутируемый среди смитоведов, может быть несекуляризированным, теологическим (Капелюшников, 2023, с. 56). Однако мы в данной работе его не рассматриваем.

Именно данное обстоятельство дало основание Дугласу Норту объяснить, от чего зависит размер рынка — от уровня транзакционных издержек, с которыми сталкиваются экономические субъекты, вступающие в обмен. В частности, такой ответ можно найти в исследованиях по экономической истории. Один из наглядных примеров — организация торговли на территории Римской империи, когда поступательное развитие было прервано разрушением благоприятной институциональной среды. Единое политическое пространство обеспечивало возможности сравнительно безопасной торговли на дальние расстояния. Однако с его разрушением масштабы торговли сузились даже несмотря на прогресс в транспортных технологиях (North, 1981, p. 123). Соответственно, с выходом на проблематику транзакционных издержек практически готов и ответ на вопрос, а от чего зависит их уровень. Именно здесь появляется связка «транзакционные издержки — институты», которая позволяет подключить новую институциональную экономическую теорию (причем, как мы видим, — не только нортковского толка) к обсуждению современных постановок о причинах и природе богатства народов. Такой подход позволил смягчить также предположение Смита о склонности людей к обмену. Получается, что люди обмениваются не в силу наличия неотъемлемых, имманентных им качеств, а в силу того, что они, следуя собственным интересам, находят это выгодным для себя, обнаруживая возможности для добровольного обмена¹.

Подключение институтов к объяснению масштабов добровольного обмена подводит еще к одной важной развилке: речь идет не только об уровне транзакционных издержек, но и об их структуре — с точки зрения видов, а также распределения бремени данных издержек между участниками торговых транзакций (по Коммонсу (Commons, 1931)), которые в наибольшей степени соответствуют характеристикам рыночного обмена. Это связано с двумя фундаментальными характеристиками любого института: координационными и распределительными (Шаститко, 2010)². Ведь указанные характеристики отвечают не только на вопрос, насколько эффективен обмен и как распределяются выгоды от него между сторонами, но и как распределены между ними транзакционные издержки.

Структура транзакционных издержек важна потому, что если не принимать ее во внимание, то не представляется возможным объяснить в рамках предпосылки о рациональности участников обмена ситуацию, когда

¹ Так же как в большинстве своем люди — оппортунисты не по природе, а в зависимости от обстоятельств, в числе которых — свойства институтов, обрамляющих их взаимодействие друг с другом.

² По сути, эти характеристики институтов отражают три отношения в рамках любой транзакции — конфликта, взаимозависимости и порядка (Commons, 1931).

общие издержки ниже ожидаемых общих выигрышей, а обмена нет или его масштабы существенно меньше (или используется вынужденный обмен в том числе посредством применения насилия как средство перераспределения богатства¹), чем в случае, когда при более высоких общих издержках их распределение между участниками обмена позволяет извлекать выгоды всем действующим лицам и добровольный обмен становится возможным (Шаститко, 2010). Добровольный обмен производителен в том смысле, что, если он и происходит, то позволяет улучшить положение каждой из сторон обмена, или, в крайнем случае, улучшая положение одной стороны, не ухудшать положение другой. Причем такой результат возникает не потому, что он был кем-то спланирован, а потому, что люди действуют самостоятельно, преследуя собственные интересы, но вместе с тем соблюдая определенные правила.

Является ли уровень и распределение бремени трансакционных издержек экзогенными? Если мы его не объясняем (что вполне возможно для учебных целей), то да, они экзогенны. Однако в действительности трансакционные издержки и их структура зависят от характеристик институтов (микро-, мезо-, макро-), обрамляющих экономические обмены, от того, как с помощью этих институтов обеспечиваются координация действий экономических агентов и снятие распределительных конфликтов между ними. Итак, повторим: связка «трансакционные издержки — институты» может быть представлена через призму координационных и распределительных свойств институтов. И вместе с тем проектирование институтов в известном смысле — это проектирование трансакционных издержек (по Коузу — юристы, составляющие контракты, проектируют и трансакционные издержки (Коуз, 1993)).

Эндогенные институты

И здесь мы подступаем к вопросам, которые благодаря усилиям Дугласа Норта оказались в фокусе внимания экономистов. А от чего зависят характеристики институтов (иногда еще говорят о качестве институтов²)? Каким образом происходят институциональные изменения? Направлены ли они на повышение эффективности использования ограниченных ресурсов (так называемые улучшающие институциональные изменения, связанные с приоритетом координационных аспектов над распределительными)? А рост общественного благосостояния, снижение масшта-

¹ Здесь можно обсудить ухудшающие институциональные изменения, которые «закопатели» окно в Европу, которое и так было, но только не в Санкт-Петербурге начала XVIII в., а в Великом Новгороде несколькими сотнями лет раньше, и через него пролегал путь «из варяг в греки» (до Ивана Грозного).

² Обзор работ, посвященных проблематике качества институтов и выработке операционального определения см. в: (Тамбовцев, 2021).

бов бедности и неравенства? Теории эндогенного экономического роста, возникшие в последней четверти XX в., продвигают идеи, разработанные Норт¹ в той мере, в какой в моделировании отражались связи экономического роста с зависимостью развития технологий от накопления знаний, инвестиций в человеческий капитал, нововведений. В свою очередь, именно Норт указывал на работы Маркса, в которых в связи с обсуждением вопросов взаимодействия производительных сил и производственных отношений раскрывалась экономическая динамика современному ему общества по сути представляющую собой предтечу эндогенной теории экономического роста (Шаститко, 2018).

Разумеется, в этой цепочке к каждому из элементов возникает множество исследовательских вопросов. Начиная с того, что такое богатство, каковы его составные элементы, каким образом его можно количественно оценить с учетом масштабов разнообразия элементов; как связаны совокупная производительность факторов с масштабами рынка (а более широко — экономических обменов, в том числе без использования механизма цен) и распространением применения в транзакциях специфических активов, каковы свойства институтов, значимые для роста богатства народов и заканчивая вопросом о прочих факторах, которые влияют на «зависимые переменные» в рамках данной цепочки.

В частности, какое значение имеет мотивация тех, кто принимает решение в рамках обществ и может влиять на условия функционирования экономики. Смит в своей работе обозначил проблемы совместимости стимулов (разумеется, не применяя привычную нам терминологию из теории управления поведением исполнителя), что имеет прямое отношение к наличию/отсутствию благоприятных условий для экономического развития, но операциональное развитие этот вопрос получил лишь во второй половине XX в.

Построение внутридисциплинарного дискурса в экономической науке

Проблема Адама Смита

Обсуждение элементов цепочки Смита — Норта показывает, что можно обнаружить тесные связи между концепциями из разных эпох и разных направлений развития экономической науки (если использовать терминологию Лакатоса — разных научно-исследовательских программ). Причем эти направления фактически демонстрируют разные варианты организа-

¹ У нас нет буквального подтверждения причинно-следственных связей в том числе потому, что для проверки данной гипотезы необходимо более глубокое изучение механизма внутридисциплинарного дискурса последней трети XX в.

ции внутридисциплинарного дискурса, которые были обозначены в (Гутов, Шаститко, 2021): от взаимного игнорирования до конструктивного, позитивного взаимодействия.

Специалисты, изучающие творческое наследие Адама Смита, обратили внимание на то, что работа «Теория нравственных чувств», увидевшая свет на 17 лет раньше «Исследования о природе и причинах богатства народов», сильно контрастирует с самым известным среди экономистов произведением основоположника классической политической экономии. Причем контраст настолько резкий, что создается впечатление о двух несовместимых исследователях в одном человеке или что речь идет о людях, относящихся к принципиально разным обществам или эпохам. В первую очередь это связано с различными представлениями о человеке в двух произведениях Смита. Действительно, акценты расставлены по-разному. С одной стороны, в экономическом исследовании человек выглядит как эгоист. С другой стороны, одним из ключевых элементов нравственной философии Смита оказывается чувство симпатии, которое является антитезой эгоизму. Разумеется, ни первое, ни второе неверно.

Сам Адам Смит фактически указывает на то, что здесь нет безысходного противоречия, когда эгоистические устремления отдельных людей ведут, пусть и непреднамеренно, к общественному благу. Ведь именно в «Теории нравственных чувств» — до публикации его самой известной работы в 1776 г.¹ — появилась идея о невидимой руке. И тем не менее в «Теории нравственных чувств» человек наделен моралью. Если он и стремится к богатству, то не столько для повышения своего благосостояния, сколько для того, чтобы быть признанным другими членами общества. А это не соответствует, по крайней мере, на первый взгляд, образу экономического человека из «Богатства народов» (Ефимов, 2011, с. 12). На наш взгляд, идея о том, что взгляды Смита эволюционировали с момента публикации «Теории нравственных чувств», конечно, имеют право на существование. Но тогда как объяснить, что это произведение при жизни его автора выдержало пять переизданий, в которых его позиция не была изменена настолько, чтобы утверждать о буквальном сближении с видением человека в «Богатстве народов».

Попробуем разобраться, есть ли в этом какое-то противоречие, которое требует разрешения или хотя бы объяснения?

Во-первых, следование собственным интересам вполне может быть совместимо даже с преднамеренными действиями одного человека, на-

¹ Стоит обратить внимание, что некоторые довольно известные авторы приписывают эту идею Смиту, не задумываясь о том, что она была озвучена 17 годами раньше (Лисон, 2023, с. 1–2). Возможно, это следствие издержек организации междисциплинарного дискурса.

правленными на повышение благосостояния другого (альтруистическая функция полезности), в чем проявляется также феномен обволакивания неоклассической теории первоначально инородных концепций, подчеркнутый В. С. Автономовым (Автономов, 1993).

Во-вторых, даже без альтруизма рост благосостояния, в том числе и возможностей другого человека может быть совместим с целеполаганием действующего лица, например, в рамках межвременного обмена: сначала один помогает второму (когда есть возможность), а затем второй помогает первому (в случае необходимости). Один из примеров можно найти в сфере межпоколенческих родственных отношений. Кстати, в литературе, посвященной проблематике альтруизма в индивидуальном поведении, допускается довольно широкая вариативность в определениях, когда наряду с истинным альтруизмом выделяют также взаимный (реципрокный) и родственный (Зак, 2012, с. 16–17; Быков, 2013).

В-третьих, как мы знаем, разделяемые ценности, в которые включается в том числе и представления людей о правильном (должном) и неприемлемом в том числе в результате интериоризации некоторых норм, также могут мотивировать людей на общественно одобряемые действия, что может выглядеть как естественное проявление природы того или иного человека, а при более внимательном анализе оказывается следствием процесса социализации.

В-четвертых, как известно эгоизм как следование собственным интересам — еще не оппортунизм, так как именно последнее, согласно Уильямсону, отражает сильную мотивацию, направленную на достижение целей, не ограниченное соображениями морали: «Оппортунизм — преследование личного интереса с использованием коварства, включая просчитанные усилия по сбиванию с правильного пути, обману, сокрытию информации... *Оппортунистическое поведение необходимо отличать от простого эгоизма* (курсив наш. — А. Ш.), когда индивиды играют в игру с фиксированными правилами, которым они безусловно подчиняются» (Уильямсон, 1996, с. 689).

Нет никакой проблемы... Или все же есть?

«И что же дальше?» — спросят нас. Начать ответ на этот вопрос хотелось бы с фразы из последнего прижизненного труда и единственной книги, написанной Рональдом Коузом, лауреатом премии по экономике памяти Альфреда Нобеля 1991 г. Книги о том, как Китай стал капиталистическим¹ (Коуз, Ван, 2016, с. 307): «Ни один институт не “защищен от дурака”,

¹ Кстати, такое название вряд доброжелательно воспринято в самом Китае, так как официально считается, что сложившийся строй — социализм с национальной (китайской) спецификой.

ни один не является окончательным и неизменным. То, как функционируют институты, как они приспосабливаются к меняющимся обстоятельствам, с неизбежностью зависит от характера людей, осуществляющих регулирование и управление». Иными словами, здесь мы обнаруживаем намерение на значимость характеристик элиты, которая может приводить одни и те же институты к разным результатам.

Данный тезис хорошо перекликается с идеями, заложенными в концепцию «узкого коридора» Аджемоглу — Робинсона, согласно которой сбалансированность сил общества (социальных норм) и государства дает возможность двигаться по пути процветания, роста богатства, но в то же время не гарантирует, что наступление «светлого будущего» предопределено (Шаститко, 2020; Acemoglu, Robinson, 2019), в том числе по причине «незащищенности института от дурака».

И вместе с тем обращает на себя внимание акцент на моральные принципы, которые могут влиять на характеристики институтов. Причем даже не так важно в этом плане, включать ли в качестве компонента института разделяемые ценности или рассматривать их отдельно¹. И в том, и в другом случае мы будем иметь односторонние выводы...

В связи с этим нельзя вновь не обратиться к вопросу: от чего зависят свойства существующих институтов? Один из вызовов, который подметили авторы упомянутой книги о китайских реформах, состоит в следующем: «Колоссальная утрата понимания глубины и богатства человеческой природы — это только часть той цены, которую мы заплатили, превратив экономику из нравственной науки о человеке, создающем богатство, в холодную логику выбора при распределении ресурсов» (Коуз, Ван, 2016, с. 311). Оно имеет прямое отношение к вопросу о том, как организованы внутридисциплинарный и междисциплинарный дискурсы, когда специализирующиеся на исследовании определенных вопросов и с применением соответствующего инструментария ученые, не то что не воспринимают, но даже не знают о сути аргументации в альтернативных/дополняющих исследованиях.

О путях построения нового формата внутридисциплинарного дискурса

Линии разлома во внутридисциплинарном дискурсе относительно фундаментальных подходов к объяснению (предсказанию) экономических явлений таковы, что рассчитывать на глобальный синтез в буквальном

¹ Мы так ставим вопрос еще и потому, что в работе Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста о насилии и социальных порядках представлены два различающихся понятия институт, в одном из которых разделяемые убеждения о мире включены как элемент, а в другом — нет (Норт и др., 2011, с. 59, 429).

смысле, построение универсальных моделей не приходится. Более практичным оказывается выбор адекватных моделей с переходом от одной к другой в зависимости от результатов диагноза (Родрик, 2017, с. 110–112) (применительно к вопросам построения экономической политики). Однако для этого данные модели (или альтернативные варианты объяснения общественных явлений) должны не только сосуществовать, но и быть в постоянном «контакте», чтобы переход от одной к другой не был равнозначным падением в пропасть.

По сути, предлагается обсудить реализуемость заменителя синтеза исследовательских подходов, построенный на нескольких фундаментальных принципах, которые могут быть выведены из обсуждения цепочки Смита — Норта, погруженной в контекст.

Во-первых, признание — конвенциональное или как минимум значительной частью исследователей — множественности исследовательских традиций (научно-исследовательских программ, НИП, или научных школ) в рамках одной дисциплинарной области как устойчивого (а не переходного) состояния на основе кооперативного двустороннего взаимодействия с возможным взаимным «обволакиванием» (Автономов, 1993).

Во-вторых, наличие фильтров, обеспечивающих поддержание имеющихся стандартов, для формирования полноценного дискурса, являющихся инструментом управления вниманием его индивидуальных участников (необходимый элемент навигации по дисциплинарной области) на базе как профильных академических журналов, так и научных конференций.

В-третьих, тестирование и развитие потенциала обволакивания для различных НИП (не только неоклассической) как способа развития защитного пояса соответствующей научно-исследовательской программы, а через него — и самой программы.

В-четвертых, развитие научного экономического знания на основе формирования исследовательских коалиций (приоритезация общего в коммуникациях с неакадемическим сообществом), что в свою очередь требует ответа на вопрос о зависимости спроса на экспертные знания, основанные на исследованиях в свете разных способов взаимодействия НИП.

В-пятых, формирование подходов в фундаментальному высшему экономическому образованию на основе идеи о многопрограммности, концептуального разнообразия, но в условиях одного профессионального (пусть и несовершенного) метаязыка в ответ на множасьщиеся претензии к отрыву самого образования от вызовов времени (Аузан и др., 2023, с. 7).

* * *

Цепочка Смита — Норта, не претендуя на глобальный синтез в экономической науке, помогает взглянуть на проблематику организации внутридисциплинарного дискурса относительно источников и факторов национального богатства с позиции позитивного взаимодействия между

научно-исследовательскими программами, научными школами, исследовательскими подходами. Изучение «Богатства народов» может и должно быть дополнено изучением «Теории нравственных чувств», которое демонстрирует, как один и тот же исследователь может писать о столь, казалось бы, разных вопросах, без совместного обсуждения которых трудно рассчитывать на устойчивое, поступательное развитие научного знания и построение основанной на этом знании экономической политики.

Список литературы

- Автономов, В. С. (1993). *Человек в зеркале экономической теории*. Наука.
- Аоки, М. (1994). *Фирма в японской экономике. Информация, стимулирование и заключение сделок в японской экономике*. Лениздат.
- Аузан, А. А., Мальцев, А. А., & Курдин, А. А. (2023). Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. *Вопросы экономики*, (10), 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26>
- Быков, А. В. (2013). Теоретико-методологические подходы к изучению альтруизма: аналитический обзор. *Социология*, (37), 179–207.
- Ефимов, В. М. (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, 2(3), 5–79.
- Зак, Ф. Л. (2012). О некоторых моделях альтруистического поведения. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 49(1), 12–52. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-49-1-1>
- Капелюшников, Р. И. (2023). Многорукий Адам Смит (Часть первая). *Вопросы экономики*, (10), 53–74. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-53-74>
- Коуз, Р., & Ван, Н. (2016). *Как Китай стал капиталистическим*. Новое издательство.
- Коуз, Р. (1993). *Фирма, рынок и право*. Дело.
- Лисон, П. (2023). *Невидимый крюк: скрытая экономика пиратов*. Издательский дом «Дело» РАНХиГС (Академический учебник).
- Маркс, К. (1983). *Капитал. Критика политической экономии*. Т. 1. Политиздат.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Начала.
- Норт, Д., Уоллис, Дж., & Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Изд-во Института Гайдара.
- Родрик, Д. (2017). *Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки»*. Издательство Института Гайдара.
- Смит, А. (2000). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. В: Петти В., Смит А., Рикардо Д., Кейнс Дж., Фридмен М. Классика экономической мысли: Сочинения. Эксмо-Пресс.
- Смит, А. (2014). *История астрономии*. В.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Второе изд. ЭКСМО.
- Смит, А. (2022). *Теория нравственных чувств*. АСТ.
- Тамбовцев, В. Л. (2021). Качество институтов: проблемы определения и оценки. *Вопросы экономики*, (7), 49–67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-7-49-67>

Тамбовцев, В. Л. (2011). Типы экономических действий. *Общественные науки и современность*, (1), 126–138.

Тутов, Л. А., & Шаститко, А. Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору. *Вопросы экономики*, (4), 96–115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-96-115>

Уильямсон, О. (1996). *Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция*. Лениздат.

Хайек, Ф. (1992). *Пагубная самонадеянность*. Новости.

Шаститко, А. Е. (2022). Достоверность обязательств в контрактных отношениях: где пределы возможного? *Управленец*, 13(2), 20–33. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-2>

Шаститко, А. Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы»). *Вопросы экономики*, (1), 145–156. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156>

Шаститко, А. Е. (2013a). Методологический статус новой институциональной экономической теории. *Журнал экономической теории*, (4), 36–47.

Шаститко, А. Е. (2010). *Новая институциональная экономическая теория*. Четвертое издание. ТЕИС.

Шаститко, А. Е. (2018). От актуальности к востребованности? К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, (3), 3–22. <https://doi.org/10.38050/01300105201831>

Шаститко, А. Е. (2013b). *Экономические эффекты ошибок в правоприменении и правоустановлении*. Издательский дом «Дело».

Шаститко, А. Е., & Павлова, Н. С. (2019). Национальный антитраст в глобальном контексте. *Современная конкуренция*, 13(3), 5–15. <https://doi.org/10.24411/1993-7598-2019-10301>

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2019). *The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty*. Penguin Press.

Ben-Porath, Y. (1980). The F-Connection: Families, Friends, and Firms and the Organization of Exchange. *Population and Development Review*, 6(1), 1–30. <https://doi.org/10.2307/1972655>

Chandler, A. (1977). *Visible hand. The Managerial revolution in American business*. Belknap Press.

Commons, J. R. (1931). Institutional Economics. *American Economic Review*, (21), 648–657.

Hayek, F. A. (1945). The Use of Knowledge in Society. *American Economic Review*, 35(4), 519–530.

North, D. C. (1981). *Structure and Change in Economic History*. Norton.

Solow, R. M. (1957). Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*, 39(3), 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>

References

Aoki, M. (1994). *Firma v yaponskoj ekonomike. Informaciya, stimulirovanie i zaklyuchenie sdelok v yaponskoj ekonomike*. Lenizdat.

Auzan, A. A., Maltsev, A. A., & Kurdin, A. A. (2023). Russian economic education: Image of the near future. *Voprosy Ekonomiki*, (10), 5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-5-26>

- Avtonomov, V. S. (1993). *Chelovek v zerkale ekonomicheskoy teorii*. Nauka.
- Bykov, A. V. (2013). Theoretical and methodological approaches to the study of altruism: an analytical review. *Sociologiya*, (37), 179–207.
- Coase, R. (1993). *Firma, rynok i pravo*. Delo.
- Coase, R., & Van I. (2016). *How China became capitalist*. New Publishing House.
- Efimov, V. M. (2011). Discursive Analysis in Economics: Revision of Methodology and History of Economics. *Journal of Economic Regulation*, 2(3), 5–79.
- Hayek, F. (1992). *Pagubnaya samonadeyannost'*. Novosti.
- Kapelyushnikov, R. I. (2023). Multihanded Adam Smith (Part one). *Voprosy Ekonomiki*, (10), 53–74. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-10-53-74>
- Leeson, P. (2023). *Invisible Hook: the hidden economy of pirates*. Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS (Akademicheskij uchebnik).
- Marx, K. (1983). *Kritika politicheskoy ekonomii*. T. 1. Politizdat.
- North, D. (1997). *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki*. Nachala.
- North, D., Wallis, J., & Weingast, B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Izd-vo Instituta Gajdara.
- Rodrick, D. (2017). *Ekonomika reshaet: sila i slabost' "mrachnoj nauki"*. Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
- Shastitko, A. E. (2020). Between the Scylla of despotism and the Charybdis of social norms (On the book by D. Acemoglu and J. Robinson “Narrow corridor: States, societies and the fate of freedom”). *Voprosy Ekonomiki*, (1), 145–156. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156>
- Shastitko, A. E. (2022). Credible commitments in contract relations: Where are the limits of the possible? *Upravlenets*, 13(2), 20–33. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-2>
- Shastitko, A. E. (2013a). Methodological status of the new institutional economics. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, (4), 36–47.
- Shastitko, A. E. (2013b). *Ekonomicheskie efekty oshibok v pravoprimenenii i pravoustanovlenii*. Izdatel'skij dom «Delo».
- Shastitko, A. E. (2018). From relevant to in demand? On Karl Marx 200th anniversary. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, (3), 3–22. <https://doi.org/10.38050/01300105201831>
- Shastitko, A. E. (2010). *Novaya institucional'naya ekonomicheskaya teoriya*. Chetvertoe izdanie. TEIS.
- Shastitko, A. E., & Pavlova, N. S. (2019). National antitrust in a global context. *Sovremennaya konkurenciya*, 13(3), 5–15. <https://doi.org/10.24411/1993-7598-2019-10301>
- Smith, A. (2000). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. V: Petti V., Smit A., Rikardo D., Kejns Dzh., Fridmen M. Klassika ekonomicheskoy mysli: Sochineniya. Eksmo-Press.
- Smith, A. (2014). *Istoriya astronomii*. V.: Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. Vtoroe izd. EKSMO.
- Smith, A. (2022). *Teoriya npravstvennykh chuvstv*. AST.
- Tambovtsev, V. L. (2021). The quality of institutions: Problems of definition and evaluation. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 49–67. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-7-49-67>
- Tambovtsev, V. L. (2011). Types of economic actions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, (1), 126–138.

Tutov, L. A., & Shastitko, A. E. (2021). Metalanguage within disciplinary discourse for scientific research programs: Invitation to a debate. *Voprosy Ekonomiki*, (4), 96–115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-96-115>

Williamson, O. (1996). *Ekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki, «otnoshencheskaya» kontraktaciya*. Lenizdat.

Zak, F. L. (2012). About some models of altruistic behavior. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*, 49(1), 12–52. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-49-1-1>